

*Памяти моего сына Женечки
посвящается*

Глава первая

Будни «БилдСтроя»

Главный девиз двадцать первого века состоит всего из трех слов. И звучит он так: **НЕРВЫ НАДО БЕРЕЧЬ**. В наше бешеное стремительное время без устойчивой нервной системы вообще никуда. Примерно так же, как без мобильного телефона и Интернета. Будешь принимать близко к сердцу все, что происходит вокруг, станешь сильно переживать даже из-за значимых вещей, не говоря уже о пустяках — гарантированно сломаешься. Просто не выдержишь, сойдешь с дистанции, не доберешься до победного финиша.

Разных методик и техник для восстановления душевной гармонии и сохранения психологического равновесия за всю историю человечества было придумано очень много, причем одна авторитетнее другой, но Михаил Викторович Еремин, солидный человек, глава строительной компании «БилдСтрой», для укрепления своей нервной системы прибегал к весьма нехитрым практикам. По его глубокому убеждению, они действовали ничуть не хуже модных еще во времена его молодости упражнений аутотренинга, мудреных восточных медитаций, которыми все так

увлекаются в наши дни, и прочих заковыристых штук. «Метод Еремина» заключался всего лишь в том, что несколько раз в день он напоминал сам себе какую-нибудь простую, но вечную житейскую истину. Например: «Не зацикливайся на проблемах и увидишь, что вокруг полно куда более интересных вещей».

Взять те же автомобильные пробки. Жуткие заторы на шоссе, машины, ползущие с черепашной скоростью, невыносимо долгое ожидание и непомерно растягивающееся время дороги, когда на путь, который в нормальных условиях можно проделать минут за пятнадцать, нужно потратить часы... Однако и то, что пробки тебя жутко бесят, и то, что из-за них ты теряешь время и нервы, всюду опаздываешь и ничего не успеваешь, — все это дело второе. А первое дело заключается в том, что от них в Москве все равно никуда не деться. Как от холодного ноябрьского дождя, жгучего январского мороза или июльского невыносимого асфальтового зноя. А значит — нечего без толку кипятиться, поминутно смотреть на часы, проклинать перегруженные узкие улицы, нерасторопных дэпэзсников и наглых водителей, норовящих подрезать тебя при каждом удобном и неудобном случае. Надо взять себя в руки, спокойно отрешиться от всего внешнего и обратить данное досадное обстоятельство себе во благо. Ведь только ты можешь построить своими руками то, что не под силу даже спроектировать кому-то другому.

Так что Михаил Викторович всегда стремился извлечь максимальную пользу из тех тягостных минут, что выпадали ему на долю, когда он вяло двигался в своей машине по улицам столицы.

Ну как бы он еще выкроил время в своем непростом графике, чтобы просмотреть новости в Интернете, позвонить туда и сюда, поторопить подрядчиков и поставщиков, просмотреть текущие документы, набросать планы на следующий квартал? А тут, коли уж застрял в непробиваемой пробке — сиди и работай себе на нетбуке. Или сделай еще массу полезных дел. Например, закажи цветы для жены Ирины — так сказать, «упреждающий букет». Вечером у Еремина намечалась встреча в ресторане. Закончится она наверняка поздно, и он вернется домой навеселе. Так что лучше подстраховаться, принять, как говорит его юристконсульт, превентивные меры. Именно так Михаил и поступил. Набрал номер цветочного магазина, договорился с милой девушкой о букете, после чего нажал кнопку отбоя и обратился к водителю:

— Какие прогнозы? Долго нам еще ехать?

— К утру точно доберемся, Михал Викторович! — попытался сострить водитель, но вышло неважно. Он и сам это понял и поторопился спасти положение, спешно добавив: — Нам, главное, сейчас до перекрестка дотянуть, а там, глядишь, поживее пойдет.

Михаил рассеянно посмотрел в окно. Впереди машины, слева машины, справа, позади... Может, Москва и не резиновая, но пока еще достаточно эластична. Кряхтит, но впускает всех вновь прибывших, дает каждому кров и пищу, а желающим и работу. Именно по этой причине Еремин, в отличие от многих столичных жителей, не только не был против «понаехавших», но даже наоборот — всячески приветствовал политику гастарбайтерства. И правда, кто бы у него на объектах работал, если бы не приез-

жие? Столичные жители сейчас капризные стали, на работу, где необходим физический труд, их калачом не заманишь. Не смущала Еремина и другая проблема, на которую жаловались многие коллеги, — теснота в городе. «Вы еще скажите спасибо, что у нас не как в средневековом Париже или Мадриде, — усмехаясь, говорил им Михаил. — Когда с соседом из дома напротив через окно за руку здоровались. Вот тогда действительно было тесно, а сейчас — простор, высота, размах!» И он действительно так думал. Только бы построить еще хорошие дороги, да чтоб в несколько уровней... Тогда и пробок не станет, и можно будет всюду успевать. Как раньше, еще лет десять-пятнадцать назад, когда он выезжал из дома в восемь утра — и добирался до офиса вовремя и без всяких приключений. А сейчас все, прикрыли лавочку. Еще и половины восьмого нет, а машины уже прочно стоят...

На стекло автомобиля опустился залетевший откуда-то желтый лист и почему-то напомнил об отрывных календарях, какие были в далекие времена детства. Еремин усмехнулся: только по таким знакам природы и замечаешь иногда, что уже осень на дворе. А то ведь вся жизнь так проходит — из офиса в машину, со стройплощадки на деловую встречу, время меряешь только графиком сдачи объектов. Или НЕсдачи, что весьма неприятно, потому как случаи за всю его жизнь, когда строительство укладывалось в срок, можно было по пальцам пересчитать. Вот теперь об этом болела голова. Особенно беспокоила многоэтажка в Вешняковском проезде, имевшая все шансы попасть в категорию «долгострой». Мириться с этим Еремин, конечно, не собирался,

он никогда не уставал повторять: «Всегда стремись к тому, чтобы владеть ситуацией, а не идти у нее на поводу». Но ведь не от него одного все зависит...

На объекте в Вешняках Еремин был вчера вечером, посмотрел на заметную уже издалека серую бетонную коробку, высоко, словно толстая свечка, вздымавшуюся над старыми домами. Строители почему-то окрестили здание «Неваляшкой», и с их легкой руки название подхватили и местные жители. Почему, собственно, «Неваляшка», а не как-то иначе, никто толком понять не мог, но вот поди ж ты — сорвалось словцо у кого-то с языка, да и прижилось. Впрочем, так нередко бывает.

«Неваляшка» смотрелась пока еще довольно страшновато. Развороченная строительная площадка вокруг серого остова будущего здания, обшарпанные синие бытовки. Рев моторов, грохот работающей техники... И повсюду, куда ни упадет взгляд, — горы строительного мусора. Впрочем, стройка чуть ли не до самого последнего своего этапа — зрелище вообще малопривлекательное. И всегда непростое испытание для людей, живущих с ней по соседству. Никаких тебе положительных эмоций, сплошные неудобства, и, как следствие, активное недовольство.

Весть о строительстве «Неваляшки» местные жители дружно восприняли в штыки. Причины этой бурной неприязни для Михаила так и остались тайной, поскольку ничего хоть более или менее ценного на месте будущей многоэтажки отродясь не бывало. Было бы понятно, если б обитатели района лишились любимого продуктового магазина, жалели бы снесенный благо-

устроенный сквер или хотя бы возмущались тем, что перенесли удобную автобусную остановку — так ведь нет, ничего такого не было и в помине! Просто заброшенный пустырь.

Первый натиск возмущенных аборигенов — преимущественно пенсионеров — строители «Неваляшки» пережили еще на нулевом цикле, при закладке фундамента. Забор, огораживающий территорию стройки, несколько раз пытались сломать или повалить, а когда не вышло, какие-то «народные умельцы» исписали его агрессивными нецензурными посланиями, адресованными строителям, сопроводив их соответствующими иллюстрациями. И это еще цветочки, кроме забора, было много всего другого: и коллективные письма во все возможные и невозможные инстанции с многочисленными подписями жильцов, и жалобы в полицию, которая в самое неожиданное время наносила визиты с целью проверки документов, и даже пикеты с транспарантами.

Один особо упорный дедок дошел до того, что объявил в знак протеста голодовку, расположился на пустыре у стройки в старой брезентовой палатке, видимо, чудом сохранившейся со времен его походной молодости в оттепельные шестидесятые, и потребовал вызвать к нему телевидение. Но телевидение так и не приехало, зато начались дожди, за пару дней палатка насквозь промокла, и захворавший «протестант» благоразумно убрался восвояси. Впрочем, «идейную борьбу» он не прекратил и дома. Не дождавшись корреспондента центрального телеканала, дал возмущенное интервью стажерке районной газеты. На какие-такие шиши «они» строят эти свои шикарные дома? Не для простых

ведь людей, а для «новых русских»! Он, дедок, уже который год не может со своей пенсии на приличный телевизор накопить. А тут еще этот небоскреб у него прям под окнами вылезет, все солнце ему перекроет!

В общем-то, в этих словах была некоторая доля истины, окна дедушкиной квартиры и впрямь утыкались в «Неваляшку». Так что полная юного энтузиазма стажерочка попыталась развернуть целую кампанию, но Еремин, узнав об этом, лишь усмехнулся. Он всегда знал: если в какой-то момент тебе стало тяжело идти по жизни — значит, ты движешься по ней вверх. Он не сомневался, что выйдет из этой борьбы победителем. Уж больно неравны силы: где глава концерна «БилдСтрой» — и где начинающая журналистка из районной многотиражки. Так, разумеется, и получилось. Соответствующая инстанция посмотрела сквозь пальцы на некоторые небольшие нарушения. Да, действительно, в соседних домах стало немного темнее, и прежнего обзора нет — зато сотни людей получают крышу над головой. В общем, этот вопрос утрясли, и больше он Михаила не тревожил. Сейчас его заботило совсем другое: Сидоренко, прораба с «Неваляшки», необходимо было срочно перебросить в Мытищи, на другой авральный объект. Сидоренко — человек проверенный и опытный, он, бог даст, сумеет наладить работу в Мытищах, где стройка только началась, а уже все не ладится и идет кое-как. Но тогда получится как в старой поговорке про короткое одеяло, потому что в Вешняки нужно будет быстро подыскать достойную замену Сидоренко, а где ее взять? Имелся у Михаила один человек на примете — по рекомендации родственника, но справится ли он?

Почувствовав, что начинает волноваться, Еремин несколько раз глубоко вздохнул. Глубокий вдох и медленный выдох, вдох — выдох... Тоже помогает, между прочим. По крайней мере, удается взять себя в руки и установить контроль над ситуацией. Ведь только от тебя зависит — ты будешь решать или обстоятельства.

Пробка, наконец, рассосалась, и к девяти утра Михаил Викторович все-таки добрался до работы. Водитель собирался, как обычно, въехать на территорию офисного центра, но шеф остановил его:

— Высади-ка меня у входа. Немного пройдуся.

Ему и впрямь захотелось чуть-чуть подвигаться, размять ноги после долгого сидения в замкнутом пространстве. Михаил вышел из машины, вдохнул полной грудью свежий, не испорченный кондиционером воздух, оглянулся по сторонам. Пасмурное утро вступало в свои права, легкая туманная влажность мягко окутывала деревья и здания и сгущалась серой дымкой у блестящих мокрых крыш.

Еремин миновал пропускной пункт, кивнув почтительно вытянувшимся в струнку дежурным охранникам, неторопливо пересек двор офисного центра и поднялся по ступеням на широкое округлое крыльцо, затененное козырьком, покоящимся на двух колоннах. Сенсорные двери приветливо распахнулись перед Михаилом Викторовичем, впуская его внутрь здания. Он направился к лифтам. Встав у дверей в ожидании свободной кабины (на этот момент все лифты отчего-то собрались в районе десятого этажа, будто у них там проходило рабочее совещание), шеф не без удо-

вольствия отметил, как сотрудники, узнав его, почтительно замолкают, вежливо здороваются и норовят посторониться, пропуская его вперед. Он мысленно сказал себе: «Подними голову повыше и держи нос по ветру. А теперь глубоко вдохни и почувствуй — это волшебный запах успеха!»

Михаил Викторович огляделся. Толпа у лифтов собралась уже немалая, некоторые были Еремину знакомы, как, например, стоявшая рядом с ним высокая колоритная брюнетка в обтягивающем платье, подчеркивающим ее роскошные формы. Михаил помнил, что она работает в отделе снабжения и зовется Ангелиной.

Слишком долго и пристально смотреть на декольте Ангелины было неприлично, и потому взгляд Еремина отправился блуждать дальше и переметнулся на двух топтавшихся рядом строителей. Эта парочка в выдавших виды форменных комбинезонах, которую невесть каким ветром занесло в головной офис, смотрелась на фоне дресс-кодированного «офисного планктона» в галстуках и отглаженных рубашках нелепо, как килька в томате на блюде с пирожными. И этот контраст чувствовали обе стороны. Клерки брезгливо морщились и старались держаться подальше от строителей, точно боясь запачкаться об их рабочие робы. Строители, в свою очередь, выказывали свое пренебрежение к «белым воротничкам» и разговаривали демонстративно громко.

— Я ей говорю: «Вашей маме зять не нужен?» — рассказывал складный, дочерна загорелый парень, совсем молодой, лет, максимум, двадцати — двадцати двух. — А она смотрит на меня вот такими глазами! Точно на монстра из этого фильма, как его...

— Дык чему ты удивляешься? — хмыкнул его собеседник. Ему можно было дать все пятьдесят, а то и больше — лицо в глубоких морщинах, а ежедневные «сто грамм» в честь конца смены добавили синюшных красок к портрету. — Она небось тоже какая-нибудь секретутка из офиса. Вот и думает: чего этот чумазый ко мне липнет? Кто он такой?.. Я-то вся из себя расфуфыренная, чистенькая, надушенная — как он со своим цементом под ногтями ко мне в китайские трусы ползет...

— Да я получаю в два раза больше ее, а то и в три, — горячился парень. — Я бы ей самые крутые трусы купил. А то и вообще посадил бы дома. Пусть себе сериалы смотрит, борщ варит да детей растит. А деньги я уж как-нибудь сам заработаю.

— Не, — покачал головой старший. — Скажу тебе: это последнее дело — бабу с работы выдергивать. Очумеет от скуки дома, начнет к тебе прикапываться. Где был, с кем, да когда придешь, да чего бухой, да чего денег так мало... Помяни мое слово. Я, когда молодой был, точно так и облажался. Надька заныла, мол, надоело мотаться на другой конец города, я сдуру и говорю — увольняйся. А через полгода прямо взвыл, такую плешь она мне проела. И я тогда, не будь дурак, определил ее в цветочный магазин — букеты заворачивать. Враз человеком стала. С утра встает, красится, наряжается, будто на свиданку собирается. Я шучу — ты кого, мол, охмурять собралась, паразитка? А она мне этак обиженно — у меня работа, мне нужно выглядеть соответственно. А так сидела дома, клуша клушей, в халате да тапках, целыми днями нечесаная. Только толстела да меня пилила...

Невольные слушатели «откровений из народной жизни» страдальчески поднимали глаза вверх на индикаторы движения лифтов и изо всех сил делали вид, что не слышат этих разговоров. Наконец их терпение было вознаграждено: одновременно спустились сразу два просторных лифта и повезли мучеников наверх.

В кабине Михаил Викторович стал свидетелем уже совсем других разговоров. За его спиной женский голос негромко, но довольно живо рассказывал:

— ...так вот, в этой книге мне попались замечательные слова: «Если тебе скучно и давно не было проблем — тебе обязательно надо влюбиться! А если проблемы не нужны, оставь это гиблое дело». И я подумала: как это верно сказано, как верно! Действительно, иногда позволяй логике и здравому смыслу побороть обманчивые чувства...

Стоявший рядом с Михаилом низкорослый молодой человек с аккуратной бородкой сердито что-то выговаривал вполголоса нескладной девице, бывшей выше его на голову. Девица виновато опускала глаза и краснела, принимая начальственный нагоняй. А в это же время на глазах у Еремина происходил другой, безмолвный, но столь же исполненный внутреннего драматизма диалог: две до блеска отполированные дамочки под тридцать напряженно исследовали внешность друг друга. Дотошно оценивалась каждая деталь, от туши для ресниц — не дай бог, ресницы слипнутся — что скажут девочки в отделе? — до туфель. Уж не Маноло ли Бланик? А подвеска, неужели от Тиффани? Ну, сумочка-то понятно, Виттон.

У каждой работницы офиса должна быть сумка Виттон, это вопрос чести. Девушка может путать Ван Гога с Ван Даммом, считать, что Ангара — это курорт в Турции, и уверять всех, что супругу Пушкина звали Наташей Ростовской, и ей это простят. Но не иметь сумку Виттон — это верх неприличия!

Михаил только усмехался, глядя на эту безмолвную дуэль. Сам он считал, что стремиться к общим, универсальным стандартам внешности — безумие.

Кабинет Еремина находился на двенадцатом этаже. Таня, секретарь-референт, как всегда, была уже на месте и, как всегда, приподнялась, увидев шефа. Она напоминала ему в такие моменты школьницу-отличницу, которая дисциплинированно встает, когда в класс входит учитель.

— Доброе утро, Михаил Викторович!

— Доброе, Танечка, доброе. Будь любезна, свари-ка кофейку, да позови ко мне Ковальчука.

Войдя в кабинет, он первым делом распахнул окно — пусть кабинет проветрится. Свежий воздух Еремин любил, и даже то, что на дворе было прохладно — осень в этом году пришла в Москву четко по расписанию, — его не смущало. Станет холодно — можно и закрыть. Повесив куртку на плечики и убрав ее в шкаф, Михаил Викторович удобно устроился в кожаном кресле и открыл ноутбук. Вскоре дверь приотворилась, и в проеме показалась лысеющая голова директора по персоналу.

— Вызывали, Михаил Викторович?

— Да, Андрей, входи. — Еремин кивком указал Ковальчуку на кресло для посетителей. — Хотел поговорить с тобой насчет Вешняков...

— С отделочниками все в ажуре, — заверил Андрей. Судя по всему, он был очень рад возможности похвалиться перед начальством, аж лысина заблестела от удовольствия. — Штат полностью укомплектован.

— Это отлично, — кивнул Еремин. — Но тут, понимаешь, такое дело... Я уж крутил, прикидывал и так, и этак... Все равно придется прораба из Вешняков на другой объект перебросить. В Мытищи.

— То есть как это? — вскинул брови Ковальчук. — А с Вешняками как же?

— Другого поставим.

— Михал Викторыч, — взмолился директор по персоналу, — где же я сейчас другого прораба возьму? Да еще такого, как Сидоренко? Он же у нас лучший, такие на вес золота, можно сказать.

— Расслабься! — Еремин сделал успокаивающий жест. — С этим уже все решено, у меня есть человек на примете. Меня за него брат двоюродный попросил. Серега всю жизнь на флоте, вот и хлопчет за своего бывшего сослуживца.

Михаил отметил застывшее на лице собеседника уважительно-заинтересованное выражение и продолжил:

— Парня этого зовут Георгием Капитоновым. Его из-за какого-то происшествия списали на берег. Вовка клянется-божится, что ничего криминального — просто так обстоятельства сло-

жились. Очень просил за него. Говорит, мужик толковый, энергичный и весьма надежный — не подведет. Встречался я с этим Капитоновым тут на днях — по виду парень и впрямь толковый. Я подумал-подумал и решил: назначим его прорабом в Вешняки. Специального образования у него, конечно, нет, но дело знает — держал свою фирмочку, которая занималась ремонтами. Он к тебе в одиннадцать придет, ты уж не тяни там с оформлением. Времени вообще нет.

— А справится он? — покачал головой Ковальчук. — Все-таки отделка многоэтажного дома — это не ремонт квартирки...

— Будем надеяться, что справится, — заверил Михаил Викторович. — Все осуществимо. А если кажется неосуществимым, то просто потребует чуть больше времени и усилий.

Некоторое время директор по персоналу сосредоточенно молчал, машинально поглаживая лысину.

— Может, вы и правы, — задумчиво проговорил он после долгой паузы. — Может, это и хорошо, что он с флота. На флоте дисциплина — первое дело, а дисциплина нашему, извините за выражение, контингенту очень нужна. А эти наши... горе-строители из Средней Азии, Молдавии или даже из Украины... Норовят ничего не делать, а деньги любят получать. Чуть отвернешься — всю стройку разворуют и из-под полы продадут на сторону.

— Ой, Андрей, кончай ты со своим шовинизмом, — поморщился Михаил Викторович. — Все мы одинаковые, что из Украины, что из Средней Азии, что нерусские, что русские... Да и что такое — русские? Как говорил великий классик, в народе нашем

чудь начудила и мерь намерила. А ты... эх! По-человечески нужно к людям подходить, с вниманием. Вот я дочь свою пытаюсь этому научить, и — никак, — неожиданно пожаловался он. — Растет этакой гламурной штучкой, на всех, кто не такой, как она, свысока смотрит. Хотя, конечно, в этом я и сам виноват. Избаловал. Но кто бы этого не сделал на моем месте? Это же такое счастье, когда к тебе успех приходит, когда то, что ты делаешь, и людям нужно, и вдобавок хорошо вознаграждается! Конечно, мы с женой были довольны, когда зажили в достатке. Ира все повторяла: «Примерь на себя счастье — оно тебе очень к лицу!» Ну, и дочке старались дать все, что могли. И даже больше. А теперь вот плоды пожинаем.

Тут он запнулся на полуслове и запоздало понял, что разоткровенничался явно не в том месте и не с тем собеседником. У Ковальчука был совершенно растерянный вид, он, похоже, понятия не имел, как правильно реагировать на внезапное доверительное признание босса. И Еремин успокаивающе махнул рукой.

— Извини, что-то я разболтался не ко времени. Иди, не буду больше тебя задерживать.

Ковальчук торопливо ретировался. Едва за директором по персоналу закрылась дверь, как у Михаила в кармане пиджака зазвонил мобильник. Это был «второй», или «личный», аппарат, которым Еремин никогда не пользовался для деловых переговоров, номер знали только друзья и родственники.

Кинув взгляд на дисплей, Михаил Викторович усмехнулся не без горечи. Дочка. Легка на помине. Не иначе, Марго срочно понадобил-

лись деньги. Другого повода поговорить с отцом у нее не бывает. Ни по телефону в разгар рабочего дня, ни дома, в тихий семейный выходной, когда Марго изредка вспоминает, что у нее есть родители.

— Слушаю тебя, — сухо проговорил Еремин в трубку. О его переживаниях по поводу дочери, что она выросла чужим человеком, избалованным, равнодушным и меркантильным, никто не должен догадаться. Там сейчас она, Маргарита.

— Папуль, — нежно пропела Марго в трубку, — у меня к тебе очень важное дело.

Еремин невольно усмехнулся. Правду говорят, что, когда у мужчины рождается сын, мужчина становится отцом. В крайнем случае, батей. А когда рождается дочь — папулей.

— Сколько тебе нужно? — сдержанно поинтересовался Михаил Викторович.

Глава вторая

Красотка Маргарита

— Сколько тебе нужно? — прозвучало в телефоне, и, как обычно, эта отрывистая равнодушная фраза больно царапнула Марго по сердцу. Ну почему он так говорит с ней, почему? Будто она, его единственная и, между прочим, когда-то очень любимая дочь, не может позвонить ему по какому-то другому поводу — не только из-за денег.

Случись такое еще совсем недавно, она бы обиделась. И от досады повела бы себя именно так, как папа и ждет. Вот просто из вредности. И сумму бы заломила побольше. Раз он считает, что бабки — это единственное, что их связывает, пусть раскошелится. Но теперь... Теперь все изменилось. Не зря же она потратила столько времени и денег на психолога! И сейчас она полностью подкована и полна решимости. Пора начинать новую жизнь. Или хотя бы строить именно такие отношения с отцом, к которым она стремилась. Кажется, так это назвал Дмитрий Сергеевич. «Не трать времени на предсказание своего будущего — начинай уже сегодня строить его своими руками!» — сказал он тогда. Во время последней беседы психолог явственно дал понять Марго, что, кроме нее самой, никто никогда не изменит ее жизнь. Ни целиком, ни по частям. А папа — это очень важная часть ее жизни...

Неимоверным волевым усилием Марго постаралась удержать эмоции под контролем. Опустилась спиной на подушки, поудобнее устроилась на своей любимой круглой кровати, выбранной по каталогу и привезенной из Италии, и как можно более миролюбиво проворковала все заранее заготовленные фразы:

— Я совсем не за этим звоню, папуль. Не волнуйся, ничего из ряда вон выходящего не случилось. Просто решила, что мы очень давно с тобой не общались в неформальной обстановке, не разговаривали по душам. А мне этого ужасно не хватает. Я понимаю, ты занят, но, может, выкроишь для меня в своем плотном графике хотя бы часок? Скажем, вечером, после работы?

Отец довольно долго молчал в трубку, и Марго представила выражение его лица. Прав был Дмитрий Сергеевич — отец удивился и обрадовался, а это значит, первый шаг к сближению уже сделан. Ну, пусть не шаг, пусть маленький шажок, но все-таки.

— Извини, Ритусь, — голос отца звучал уже не так сухо, — но сегодня вечером никак не получится. У меня встреча с партнерами. Освобожусь очень поздно.

— А завтра? — с надеждой поинтересовалась дочь.

— И завтра тоже. Завтра мы с мамой в Большой театр идем.

— Тогда, может, в выходные? — не сдавалась Марго.

— А на выходные нас к Лузиным пригласили, едем на их дачу под Красногорском. На весь уик-энд. Может, поедешь с нами?

— Ну уж нет! — На такую жертву Марго не была готова даже ради налаживания контакта с папой. — Ты же знаешь, что я всю их семейку терпеть не могу. Давай тогда отложим до следующей недели, что ли...

— Нет, дочурка, погоди, — остановил ее отец. — До следующей недели ждать слишком долго. Хочешь, вместе пообедаем сегодня?

— Хочу! — обрадовалась Маргарита.

— Тогда выбирай место.

— Давай в том ресторане на крыше, где мы в прошлом году мой день рождения праздновали, помнишь?

— Это который на бульваре? Ладно, буду там в два часа.

Нажав на кнопку отбоя, Марго бросила айфончик на пушистое покрывало из шикарного искусственного меха и подмигнула

своему отражению в огромном трюме. Начало положено! Она молодец! Как там Дмитрий Сергеевич говорил? «Чудеса человек творит собственными руками. Не жди чуда — начуди себе сам что-нибудь чудесное!»

С психологом ей и вправду повезло. Если бы не он, она, наверное, до сих пор бы не смогла выбраться из депрессии. А так благодаря сеансам психотерапии она, наконец, смогла понять, что причина всех ее проблем кроется во взаимоотношениях с отцом.

Марго с удовольствием поплескалась в джакузи, потом высушила и уложила волосы. Она была натуральной блондинкой и очень этим гордилась, но во всем остальном, кроме цвета, волосы оставляли желать лучшего — слишком тонкие, непослушные, и не прямые, и не вьющиеся, а так, не поймешь что, серединка на половинку. Из-за этого приходилось часто посещать салон красоты и тратить очень много времени на укладку. Сегодня же, кроме укладки, ей нужно было успеть одеться и накраситься. Причем и то и другое нужно было сделать быстро и чтобы понравиться папе. А еще важно было не опоздать. Вот уж чего-чего, а необязательных людей папуля терпеть не мог. Чтобы успеть вовремя, Марго выехала со своего Юго-Запада аж за полтора часа и добралась до центра неожиданно быстро, как-то ухитрившись ни разу не попасть в пробку. Поднялась на крышу, выбрала столик, с которого открывался вид поинтереснее — несмотря на обеденное время, ресторан был почти пуст, заказала себе пока ананасовый лимонад с мятой и сельдереем, стала поджидать отца и от нечего делать размышлять о своем нелегком житье-бытье.

Ведь было, было время, когда они общались с отцом без всяких условностей! Когда они были друзьями и Марго казалось, что так будет продолжаться вечно.

В детстве Маргаритка, как ее звали, обожала своего папулю, ну просто-таки души в нем не чаяла. В этом, конечно, не было ничего особенного, почти все маленькие девочки обожают своих отцов. Но Ритин папа был не просто хорошим — а *замечательным!* Каждый выходной они ходили куда-нибудь вместе: в зоопарк, в цирк, в кино или в кафе — есть мороженое. По вечерам папа чаще, чем мама, забирал ее из садика и вел гулять на детскую площадку, а после ужина сам укладывал спать, целовал в лоб, читал на ночь сказки и пел песни. При этом слуха у папы вообще не было, а у Маргаритки был, и она каждый раз замечала, когда папуля фальшивил — но все равно настаивала, чтобы песни ей пел только отец, а не одаренная музыкальными способностями мама. Лишь однажды, когда Маргаритке было года четыре с половиной, она сделала отцу замечание: «Папуля, ты не так поешь!» и запела сама — правильно. В ответ отец только руками развел: «Что делать, солнышко, не повезло мне. Медведь на ухо наступил!» Услышав такое, Маргаритка тут же представила себе большого медведя, который наступает папе на ухо огромной тяжелой лапой, и разрыдалась от ужаса. С тех пор она больше никогда не указывала отцу на ошибки в исполнении песен — боялась медведя. И продолжала с удовольствием слушать бардовские песни, которые папа пел ей вместо колыбельных. Про лыжи у

печки, про лесное солнышко, про атлантов, которые держат на каменных руках небо, и самую ее любимую «Но капитана ждет красотка Маргарита...». Девочка была уверена, что эта песня про нее, и просто млела, когда папа называл ее «красоткой Маргаритой».

От этих воспоминаний, одновременно и сладких и горьких, Марго усмехнулась. Покачала головой, сделала еще глоток лимонаду, вздохнула... Все это было так давно и одновременно так недавно. Эти чудесные прогулки с папой, интересные игры — только он один умел придумывать такие! — рассказы о его детстве, которые она слушала, раскрыв рот...

Все изменилось примерно через год или два после того, как она пошла в школу. Папа вдруг стал приходить домой очень поздно, когда Маргаритку уже укладывали, а уходить рано, пока она еще спала. Но, что самое неприятное, в выходные его теперь тоже не бывало дома. Мама говорила, что у папы стало много работы, потому что он «занялся бизнесом». Что это за бизнес такой, Рита тогда толком не уяснила и отчего-то представляла себе огромный мрачный серый дом вроде тюрьмы, в котором папу запирают на целый день. Однажды, когда у папы все-таки выдалась свободная минутка, она рассказала ему об этом, и папуля очень смеялся.

— Знаешь, красотка Маргарита, в чем-то ты права, — сказал он тогда. — Только в домах никто меня не запирает. Потому что я их сам строю. То есть не сам, конечно. Строят рабочие, а я показываю, где и как строить, и руковожу всей работой. Правда, ведь это очень здорово — строить дома?

— Наверное... — неуверенно ответила она. — Но почему ты теперь так редко бываешь дома? Разве тебе надо строить и вечером, и в субботу, и в воскресенье?

— Да, к сожалению, — кивнул папа. — Дома надо сдавать в срок. Чтобы в них побыстрее поселились люди. Вот представь себе, что есть семья, такая же, как наша: папа, мама и дочка. Только живут они не в теплой уютной квартире, как мы, а в каком-нибудь тесном холодном сарае, где нет ни водопровода, ни отопления, все время сквозняки и крыша протекает. Вот мы и торопимся достроить дом осенью, чтобы эта семья успела переехать до зимы. Потому и приходится так много работать.

Наверное, папа ждал, что дочь с ним согласится, однако Маргарита уже в том возрасте была сообразительной девочкой.

— Но ведь они же уже много лет живут в своем старом сарае, — возразила она. — Так что вполне могут подождать еще. А ты сможешь не спешить со стройкой и чаще бывать со мной.

Тогда папа засмеялся, правда, как-то не слишком весело. Но потом, спустя много лет, вдруг припомнил дочери этот разговор. «Ты всегда была эгоисткой! — бросил он как-то в пылу ссоры. — Даже во втором касе. Уже тогда думала и заботилась только о себе». Услышав эти слова, Марго очень обиделась и не стала возражать. Жаль, что отец не понял ее, — ведь тогда она заботилась как раз не о себе, а о нем...

С тем, что она стала так редко видеть папу, маленькая Рита никак не могла смириться. Но во всем остальном их жизнь стала постепенно меняться в лучшую сторону. Маргаритке начали покупать все, что